

СВЕТЛЯЧОК

18.08.2014

№8 (41) Август 2014 года

• Край родной

Иногда только кажется, что все крупные дела вершатся в столицах, вдали от маленьких городков, а тем более от сёл и деревень. Но мы не раз представляли своим читателям материалы, которые позволяют считать иначе. Многие события происходили если уж не у нас, то с участием людей, живших или бывавших в наших краях. Среди них оказывались участники морских кругосветок, известные народовольцы и участники организации покушения на царя, режиссеры крупных исторических реконструкций и даже английский сэр.

Как оказалось, в Ливонской войне тоже без наших не обошлось. Героически отличился в тех давних военных событиях Русин Данилов сын Игнатъев, род которого имел поместья в «Дубне над рекой Двиною, в лужках над Соблагом, в деревне над Охватом и в сельце Жуковичи над Тудром».

Об этом и рассказывает Людмила Васильевна Пажетнова (на снимке). Собирая материал по истории Торопецкого и Холмского уездов, по генеалогии дворянских родов этих уездов Людмила Васильевна обнаружила замечательный материал из родословной Игнатъевых.

ОТ ГЕРОЕВ БЫЛЫХ ВРЕМЕН ...

17 января 1558 года началась Ливонская война – крупный военный конфликт, в котором участвовали Ливонская конфедерация, Русское царство, Великое княжество Литовское, Шведское и Датское королевство. На первом этапе (с января 1558 по 1559) русские войска достигли значительных успехов, завоевав Нарву, Дерпт и ряд городов и замков. Но успех был недолгим, и Русское царство на 25 лет погрузилось в войну, которая закончилась победой Речи Посполитой и Швеции 26 мая 1583 года

Осенью 1558 года произошло событие, вошедшее в историю как «Оборона замка Ринген». Героическая оборона немногочисленного русского гарнизона замка Ринген (русские обычно называли его Рынгол или Рындох) в землях дерптского епископства, от орденских войск, усиленных контингентами, выставленными рижским архиепископом продолжалась с 1 октября по 29 октября. Из статьи доктора исторических наук, доцента Белгородского ГУ В.В. Пенского «Оборона Рингена осенью 1558 года» мы узнаем следующее.

«Замок Ринген был занят русскими вскоре после того, как 18 (19) июля 1558 года город Дерпт (Юрьев) капитулировал перед полками под началом воеводы князя П.И. Шуйского. Владелец замка Ринген Якоб Толдевен покинул замок.

Согласно летописи, головой в Ринген был послан сын боярский Русин Данилов сын Игнатъев, «а с ним сорок сынов боярских да пятьдесят стрельцов». Гарнизон вместе со слугами по данным ливонского хрониста составлял 400 человек. Папский легат А. Поссевино дает следующую характеристику гарнизонам русских крепостей: «Насколько слабо защитники сопротивляются полякам в открытом бою или поле, настолько решительно они защищают крепости и города. Даже женщины выполняют обязанности солдат. Если кого-то из защитников разрывает на части, его место занимает другой, второго – третий... В конце концов никто не щадит ни сил, ни жизни... Они (русские) очень терпеливо переносят голод, довольствуясь намешанной в воде мукой... Оставшиеся в живых держатся до последнего момента, беспокоясь лишь о том, как бы не сдать осаждающим ...»

Русские (документы Разрядного приказа, Третья Псковская летопись) и ливонские (хроники) документы позволяют сделать попытку реконструкции картины осады Рингена войсками Ливонской конфедерации под началом орденского адъютанта Г. Кеттлера.

Осенью 1558 года Ливонские войска, пользуясь снижением боеспособности русских войск, готовились к контрнаступлению. Войско численностью около 10 тысяч человек под командованием Кеттлера направилось в сторону Дерпта. Однако на его пути оказался Ринген с его малочисленным, но бесстрашным гарнизоном, оставшимся верным присяге и своему долгу до конца. Приступая в конце сентября - начале октября 1558 к контрнаступлению, ливонцы были полны надежд на быстрое и успешное завершение кампании.

(продолжение на стр.2).

(начало на стр.1).

1 октября передовые отряды Кеттлера (1,5 тысячи конницы, 2 тысячи кнехтов) подошли к замку, 4 сентября с юга подошли отряды Фелькерзама (600 всадников, 3 тысячи пехоты). Но Русин Игнатъев и его люди отказались капитулировать и сели в осаду. Оставлять в тылу замок Кеттлер не рискнул и приступил к осаде. Помощи поступать было неоткуда, и осажденным пришлось рассчитывать только на свои силы. Ливонцы имели в наличии только легкую артиллерию, в расчете на молниеносный поход к Дерпту.

Осада продолжалась до 22 октября, с прибытием тяжелой артиллерии, был открыт огонь и повреждены стены. Кнехтам удалось ворваться в замок, но они были отброшены. К этому времени гарнизон Русина Игнатъева понес большие потери, заканчивался порох. 29 (30) октября после 7 дней непрерывного обстрела замок был взят. Оставшиеся в живых были повешены, а 95 скованных пленных, среди которых был некий знатный (вероятно, Русин Игнатъев) с сыном были отправлены в Венден к магистру, как знак одержанной победы. Их участь была печальной. По словам А. Курбского, пленных, в том числе и рингенского «ротмистра» Русина Игнатъева неприятель «мало не всех во презых темницах гладом и зимою поморил». Исходя из косвенных доказательств, Игнатъев умер (или был убит?) в тюрьме в Кокенгаузене зимой 1558/1559 г.

Гибель их не была напрасной, под Рингеном Кеттлер потерял 2 тысячи человек, и, потратив более месяца на осаду одной крепости, не смог развить свой успех. В конце октября войско отошло к Риге. Эта небольшая победа обернулась для ливонцев большой бедой».

Кто же такой Русин Данилович Игнатъев? Вернемся немного назад в 1551 год. «Лета 7059 октября в 3 день Царь и Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси, приговорил з бояры учинить в Московском уезде ... от Москвы верст за шестьдесят и семьдесят помещиков и детей боярских лутчих слуг, 1000 человек...». Одним из важнейших мероприятий московского правительства 50 годов 16 века было издание указа об испомещении под Москвою 1000 человек «лутчих слуг», основную массу которых составили провинциальные дети боярские. Согласно этому указу, свыше 1070 человек, не имевших ранее земель в Московском уезде, получили в дополнение к своим земельным владениям поместья под Москвой. Со своей стороны тысячники должны были в любое время быть готовыми к посылкам.

В списке «лутчих» слуг 34 торопецких сынов боярских. Среди них 9 Игнатъевых: Иван Дмитриевич, Михайло Иванович, Петр (Петрок) Данилович, Константин Федорович, Ивашко Федорович, Посник Семенович, Матвей Дмитриевич, Вороной Золотой Иванович и Русин Данилович.

Первый доступный документальный источник по Торопецкой земле «Торопецкая писцовая книга» 1540 года. В ней мы читаем: «Поместье Лаптевское придано по списку Бражнику да Михаилу да Федору Ивановым детям Игнатъева.

В Нешевичах... В Пожнях... А угодыя у них в озере Почепе..., а рыба в нем всякая белая; а лесу пашенного и перелогов пашенные земли на триста десятиною».

«Поместье Данилы Иванова сына Игнатъева, дано ему в придачу по списку Бечевинского поместья на Городищне.

В Дубне над рекой Двиною... В лужках над Соблагом ... Деревня над Охвatom... На Двинце... А угодыя у него рыбная ловля в озерах Охвате, Двинце, Соблаго, рыба у них всякая белая. Лесу пашенного и перелогов на 900 десятин...». Вероятно, уже в то время Данила Иванович Игнатъев занимал достаточно высокое положение, недаром его сын Русин Данилович стал воеводой.

Род Игнатъевых, куда входят все упомянутые нами имена, занесен в Бархатную книгу - родословная наиболее знатных боярских и дворянских фамилий России, составлена в 1687 году. В 1787 году издана Н.И. Новиковым под названием «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих».

(продолжение на стр.3).

(начало на стр. 1-2).

Родоначальник рода Игнатьевых, а также родов Жеребцовых и Плещеевых, боярин Бяконт. Федор Бяконт из простых служилых людей Чернигова, первый боярин в своем роду. Во время правления Даниила Алесандровича переехал в Москву, у Великого князя Симеона Гордого был путным боярином. Его старший сын Алфереи, в иночестве Алексей, был митрополитом Киевским и всея Руси. Правнук Бяконта Игнатий Константинович и стал родоначальником рода Игнатьевых.

Почему внуки Игнатия оказались на Торопецкой земле уже как дети боярские, а не бояре, неизвестно.

Вероятно, после тысячного призыва 1550 года (призваны почти все) их осталось на нашей земле совсем мало. Данные отрывочны, и что-то выстроить не удастся. В 1678 упоминается Афанасий Иванович Игнатьев. В 1710 его сыновья Иван и Василий владельцы сельца Жуковичи над Тудром. Иван Афанасьевич службу служил у великого государя в копейщиках, обыкновенно ими были обедневшие дворяне. Сельцо Лезно и деревня Турово за Иваном Михайловичем Игнатьевым.

В 1808-1810 Холмским уездным предводителем был Матвей Александрович Игнатьев.

Может быть, совсем не просто так, покупает имение Краснополец Столопенской волости Холмского уезда с 6540 десятинами земли граф Николай Павлович Игнатьев и владеет им в 1903-1905 гг.

Как всегда вопросов и загадок гораздо больше, чем ответов.

Л. Пажетнова

ЛУЧИК

(маленькая сказка)

Динка проснулась оттого, что кто-то пощекотал ей в носу. Динка открыла глаза и увидела тонкий солнечный лучик, который пробивался из-за неплотно задёрнутой оконной портьеры.

– Привет! – сказал солнечный лучик. – Просыпайся, лежебока.

– Я не лежебока! – сердито ответила Динка. – Видишь, я на спине лежу.

Лучик засмеялся и опять пощекотал Динке в носу.

– Хулиган! – сказала Динка и повернулась на бок, спиной к окну.

Тогда лучик стал греть ей ухо.

– Ай!.. – сказала Динка, села в кровати и стала ощупывать свои уши. Левое ухо было, как ухо, – холодное, а вот правое было горячим и, наверное, очень красным.

– Ну вот! – расстроилась Динка. – Куда я теперь с разными ушами?!

Лучик не ответил. Динка обернулась. Лучик, уютно свернувшись, лежал на её подушке.

– Ах ты, хитрец! – рассердилась Динка. – Это ты меня специально с подушки сгонял, чтоб самому полежать?!

– Я ненадолго, – стал оправдываться лучик. – Только на пять минуточек. Знаешь, как я устал за утро! Столько дел уже переделал!

– Это какие такие дела? – подозрительно спросила Динка.

– Ну как же! – сказал лучик и начал загибать невидимые пальчики: – Во-первых, я позолотил верхушки тополей. Во-вторых, я разбудил птиц. В-третьих, я зажёл радуги в фонтанах поливальных машин. Ну и самое трудное – я прогнал туман с лужайки возле пруда. Знаешь, какой он был тяжёлый и ленивый! Никак не хотел уползть! Вот! – лучик даже немного запыхался, перечисляя все свои достижения.

– Ну ладно, – сказала Динка. – Тогда, действительно, полежи, отдохни. Всё равно мне надо... ну, в одно место... Только ты без меня никуда не уходи! Хорошо? Я быстро!..

Она соскочила с кровати и зашлёпала босыми ногами в коридор...

В квартире было тихо. Динка заглянула в спальню к родителям – в комнате никого не было, кровать была аккуратно застелена.

«Странно, – подумала Динка. – Где все? И почему меня никто не разбудил?.. Очень странно...»

Когда она вернулась к себе в комнату – лучика на подушке не было. «Ну вот! – расстроилась Динка. – Ушёл... Не дождался».

Она подошла к окну, отёрнула штору и даже отступила на шаг – сто тысяч миллионов солнечных лучиков хлынули в окно, запрыгали по полу и по стенам, отразившись в зеркале, затанцевали на потолке, зажгли золотом рыбок в аквариуме.

– Привет!!! – наперебой кричали они. – А вот и мы!!! Как здорово!!! Ура!!! Лето!!!..

– Лето! – ахнула Динка и, схватив себя ладошками за щёки, от восторга запрыгала по комнате на одной ноге. – Лето! Лето! Лето! Как же я забыла?! КА-НИ-КУ-ЛЫ!!!!..

Владимир Юринов

• За окнами август

* * *

По канавам лежит
всё, что бросила жизнь, –
хлам столетий.
Здесь визгливы стрижи.
Вздохи зреющей ржи
помнит ветер.

Ветру в поле гулять,
лебеду шевеля.
Дверь заплачет.
В мёртвых знойных полях
почему-то петля
замаячит.

На причал! На вокзал!
Чтобы путь указал
месяц белый.
После страха глаза,
после зноя гроза –
мрак и стрелы.

Ночью издалека
наплывает тоска
поздним летом.
И быстры облака,
и крылата ольха
пред рассветом.

От тоски до строки –
лишь движенье руки –
слева вправо.
Ловят осень в силки
на заре пауки
в ломких травах.

*Василий Рысенков,**Торжок***ГОД УХОДЯЩИЙ**

Есть в пряном августе горчинка,
дыханье ветра и разлук.
Сорвётся лета сердцевинка
в ладони рук
душистой ягодой спелой
с малины позднего куста.
И пеленой туманов белых
сомкнёт уста.

Год завершается не там,
в заснеженной морозной дали.
Вестит о нём Успенский храм
колоколами.

А щедрый август раздаёт
свои прощальные подарки
и уходящий красит год
в наряды яркие.

*Алёна Рябова,**Торопец*

* * *

В неуёмном осиновом трепете
Неизбывный, болезненный страх,
Что опять улетят гуси-лебеди,
Не дождавшись крапивных рубах.

Чтобы стать им опять человеками,
Одолеть колдовскую напасть,
Должен кто-то любить, да вот, некому,
Без любви кто ж отважится пряхь.

Улетят, а их оклик тоскливый
Вместо пуха снегами падёт...
... По весне первой всходит крапива, -
Вдруг кто нынешним летом нарвёт.

*Пётр Бобунов,**Нелидово***ЧУЖАЯ СВАДЬБА**

В доме окна раскрыты настежь,
Льётся музыка, слышен смех.
Молодым там желают счастья,
Разливают вино на всех.
Произносят хвалу и тосты,
Восхищаются женихом,
О любви рассуждают просто,
Называют её грехом.

Август стелет туманом белым
Ложу мягкое на двоих,
Поцелуем под «горько» смелым
Отвечает в пылу жених.
А невеста алее мака,
Под фатою скрывая взгляд,
В ярких вспышках цветов и лака
Демонстрирует свой наряд.

Свадьба пьёт, веселится, пляшет.
Ночь восторгов и звездопад...
А соседкина дочка Даша
Тихо плачет, забравшись в сад.

*Наталья Шабанова,**Андреаполь*

• Новые стихи

Юрий Смирнов

Торжок-Любино

Об очистительных
свойствах русской бани

I

...Убивать себя – по
минутам,

Горькую пить, а ещё –
Ставить на ноги то, что пригнуто,
Остальное... Пожалуй, не в счёт.

Ставить на ноги? Вот незадача –
Подниматься уже не хотят...
В заколдованной области плача
Все похожи на дохлых котят.

II

Ну вот, дружок, дошёл до ручки:
Уже про дохленьких котят
Заговорил: такие штучки
Сегодня сердце бередают?

А сердце, что ж, всё не устанет,
Всё бьётся, подлое, спешит...
Быть может, жизнь себя обманет,
А смерть чуть-чуть повременит;

Быть может, что яснее станет
Грядущей жизни колея...
Одно хотел бы: чтоб в уста мне
Не клали грязи от нея.

III

Если жизнь тебя обманет
(ясен пень, что это бред),
Кто-нибудь тебя помянет
По скончаньи твоих лет.

Кто-нибудь вздохнёт и охнет,
Кто-то стопку тяпнет вслед...
...А бельё на ветках сохнет
Райских куш (которых нет).

Если жизнь тебя обманет,
Плюнь на всё, живи, как встарь:
Обними покрепче пани,
Вспомни: «Улица... Фонарь...»

PS. Или часть IV

Коль меж пани`ю и Паней
Навести мосты не смог,
Протопи покрепче баню,
Забирайся на полук.

ДОЖДЬ

Как раскалились, раскололись небеса!
Указка молнии в прорехах неба шарит.
И невозможно это всё пересказать
Когда-нибудь кому-нибудь на этом шаре.

Наотмашь, как пощёчину, бьёт дождь.
Я ж рад ему лицо своё подставить.
Ограды и дома бросает в дрожь,
И глухо охают незапертые ставни.

Я вспоминаю: утром босиком
Шальным ребёнком шлёпаю по лужам,
Согретый ослепительным дождём
И счастьем ослепительным простужен...

Возьми свой посох, горе-человек
(Все мятежи твои – игра пустая),
Иди вперёд, и пусть из века в век
Тебе в лицо бьёт дождь, не уставая.

4-МУ МАРТА 2012 г.

Сладких песен не пой –
я и так распрощался с собой,
с жизнью той, что была весела, безоглядна.
Песен счастья не пой – облака, словно белые пятна
Неоткрытых земель, что зовут и зовут за собой.

Но уже никогда никуда
не уйти, не уехать!
И надрывно гудят и гудят провода,
и сквозит и сквозит нашей жизни прореха,
неизвестно куда наши скорби уносит вода.

Эту жизнь ни обнять, ни объять –
мы чужие друг другу...
Так на зеркало нечего всеу пенять!
Как слепые, мы ходим и ходим по кругу, –
ничего не хотим и, по сути, не можем менять.

ПОСЛЕДНИЙ ФОНАРЬ

Скрипнул снег...
Охнул воздух...
Шаги ли?
Вздох ли? –
Понять не могу.
И хотел бы понять, да непросто:
То ли свет? То ли кровь на снегу?

А фонарь – красноватый и тусклый –
Он в рубиновой мути своей
Посчитал, что, должно быть, искусство:
Кровь пролить на снегу – фонарей.

Посчитал, что он этим согреет
Одноглазых собратьев утрату...
Я стою. А луна каменеет,
Розоватому снегу не рада.

• XIV литературные встречи
И СНОВА КАБЛУКОВО

Андреапольским читателям, любящим поэтическое слово, название «Каблуковская радуга» знакомо давно. На этом литературном фестивале под Тверью побывали в разные годы наши земляки Наталья Шабанова и Нина Шандаевская, посылал свои рукописи Валерий Осипов, а Владимир Юринов и Маргарита Петрова многие годы были постоянными успешными его участниками.

В прошлом году из нашего города свои рукописи на этот конкурс представили четверо участников, и по результатам его В. Юринов стал лауреатом, а М. Петрова – дипломантом 13-ых литературных

встреч.

«Каблуковская радуга» приобрела широкую известность не только в Тверском регионе, но и в стране. В этом году работы на конкурс прислали 206 поэтов из 18 регионов России и одной зарубежной страны.

По статистике, которая ведётся организаторами фестиваля, из Москвы и Московской области в нём приняли участие 54 человека, из Твери и Тверской области 102 человека, из других регионов Росси – 42 человека, прислали работы и 8 болгарских поэтов.

В июльские дни под сенью гостеприимного школьного сада в Каблукове собрались поэты из дальней Ухты (Республика Коми), Мурманской, Кировской, Брянской Самарской, Новосибирской и других областей, не рядом расположенных.

К сожалению, наш город на 14 литературных встречах представила лишь М. Петрова. Она традиционно вошла в список лучших, как и знакомые читателям «Светлячка» нелидовцы Игорь Столяров и Пётр Бобунов, тверитянин Фёдор Иванов, торопчанка Алёна Рябова, Артём Сидой из Белого.

Программа праздника была тоже традиционной: чтение стихов и исполнение авторских песен с малой и большой сцен, мастер-классы, выступление в сельском клубе. И общение, общение, общение людей, понимающих друг друга с полуслова. Этим в первую очередь и притягивает небольшое местечко под Тверью. За долгие 14 лет немало участников перезнакомились и поддерживают постоянное общение через интернет. Но что может заменить живую встречу, живое дружеское общение, живой голос.

С интересом многолетние участники слушали новичков, двое из которых стали лауреатами в номинации «Поэзия». Оба не тверичане.

В номинации «Авторская песня» места победителей достались тоже приезжим, причём прибывшим на «Каблуки» впервые.

На снимках: неформальная часть – не устоял В. Львов, ноги сами в пляс пошли (снимок из прошлых лет); М. Петрова на «Каблуковской радуге» (2014).

- На конкурс: «Это было со мной в Андреаполе»

... И ПОЗАБЫТЬ, КАКОЙ СЕГОДНЯ ВЕК

У андреапольской поэтессы Маргариты Петровой есть стихотворение «Дома», которое сразу же, как только я его впервые прочитала, было помещено в затаённый уголок моей души. Почему? А вот сами судите:

*Милы мне эти узенькие улочки,
От чувства увлажняются глаза.
Здесь у заборов мирно дремлют курочки,
Пасется в сквере городском коза.*

*И конкурента в равной схватке вытеснив,
От мэрии шагах примерно в двух,
Нимало не заботясь о правительстве,
Победно кукарекает петух.*

*Весной здесь так пьяняще пахнет тополем,
Зимой пушист и нежен первый снег,
А летом затеряться можно во поле
И позабыть, какой сегодня век.*

Для меня, способной лишь неуклюже рифмовать нахлынувшие чувства, это стихотворение стало счастливым откровением и самым лучшим признанием в любви родному городу.

Сама я живу в маленьком провинциальном Нелидове, где само собой разумеется, что на центральной площади, у памятника вождю, в тенёчке под большой елью мирно дремлет большой лохматый пёс, что вальяжные коты не торопятся переходить через дорогу (не столичная трасса!), а стоит пересечь городской парк – и ты на берегу речки, а дальше – лес, лес, лес...

Иногда приходится бывать в больших городах, и верите ли, уже на третий день хочется бежать оттуда сломя голову – от людской суеты, шума, бесконечного потока машин, запаха бензина, гари... и чувства пронзительного одиночества. Скорее туда, к милым дворикам с тропинками от подъездов к покосившимся от времени сараям, к старым тополям, к дорогим сердцу улочкам...

К чему это я всё? Да к тому, что дважды мне пришлось бывать в Андреаполе, и, положив руку на сердце, признаюсь, что влюбилась в этот городок с первого взгляда. Вот как в незнакомом человеке вдруг узнаёшь родные черты, и он становится тебе близок и приятен. Так произошло и здесь. Уют, тишина, покой, неспешность...

Но самое главное, наверное, это «генетическое» родство. Не разреши в своё время Сергей Владимирович Нелидов и Андрей Андреевич Кушелёв строительство на своих землях железной дороги, ох как по-другому бы сложились не только судьбы наших городов, но и многих из нас.

В далёком 1952 году моя мама после окончания педагогического института распределялась на работу. Назначили её в такую глухомань, в такое бездорожье, что её молодой муж (мой будущий отец) поехал в Министерство образования хлопотать о лучшей доле. Там вошли в положение новоиспечённой семьи и предложили ещё несколько мест. Конечно, молодожёны выбрали городок, расположенный у железной дороги.

Через год здесь родилась я. Так решила и моя будущая судьба. И если вновь жизнь поставит перед выбором (всякое может произойти в этом беспокойном мире), я без колебаний сделала бы своим родным городом Андреаполь. И тогда непременно то и дело приезжала бы на легендарное Бросно в надежде увидеть озёрное чудище. А летом – «затеряться где-то во поле и позабыть, какой сегодня век».

Светлана Виноградова,
Нелидово

• Земляки

ИМЯ НА МОРСКОЙ КАРТЕ

На морской карте мира значится имя нашего земляка-андреапольца. В Антарктиде есть купол Чугунова и ледник Чугунова.

Н. А. Чугунов родился в 1928 году в деревне Усадьба Торопацкого сельсовета в крестьянской семье. Окончил Заселицкую начальную и Торопацкую семилетнюю школу. Четыре года служил на флоте. Учился в институте, став инженером аэрологом. В 1957 году отправился в Антарктическую экспедицию.

Будни исследователей были сопряжены с огромными трудностями, а то и с трагедиями. Однажды самолёт ЛИ-2 под управлением пилота В. В. Григорьева возвращался с Комсомольской. Внезапно отказали моторы. Самолёт потерял высоту и плюхнулся в снег. К счастью, никто не пострадал. Это было в 560 километрах от берега. В. М. Петров на другом самолёте совершил посадку у разбитого самолёта и доставил его экипаж в Мирный. Второе событие было трагическим. 21 января 1958 года во время стоянки поезда на станции Комсомольской умер следовавший на станцию Советская аэролог Николай Александрович Чугунов.

В «Ледовой книге» Юхана Смуула я обнаружил такие записи:

«22 января 1958 года:

Сегодня Мирный печален. Ночью из Комсомольской привезли тело Николая Алексеевича Чугунова, молодого инженера-аэролога. Он четвёртый из советских полярников, погибших в Антарктиде. Во время первой экспедиции погиб тракторист Хаара, провалившийся с трактором под морской лёд. Во второй экспедиции обломившийся барьер погубил двух курсантов с «Лены». Чугунов – четвёртый. Он отравился на Комсомольской газом, когда варил обед для участников тракторной колонны. Спасти его не сумели. Я не знаю Чугунова, так как он приплыл сюда на «Оби», но уверен, что на Комсомольской мы встречались, даже, вероятно, болтали, а может быть, сидели рядом в кино. Его спутники говорят, что он был хорошим товарищем, чудесным человеком.

Утром, ещё до того, как узнал о смерти Чугунова, читал Кодуэлла «Полевые цветы». Возможно, так мне теперь только кажется, но мне чудилось, что где-то рядом ходит смерть. В самом деле, можно написать книгу и употребить при этом миллион слов, из которых каждое будет правдой, но не в человеческих возможностях написать в прошедшем времени: «Я умер». Кто-то другой напишет: «Он умер». Чугунов умер. Наверное, завтра на Комсомольскую вылетит вместо него другой инженер-аэролог. Жизнь не останавливается, она идёт вперёд, ронется дальше и тракторный поезд, но уже без Чугунова. Он был молодой человек, перед самой поездкой в Антарктиду женился. Дня через два мы его похороним в Мирном, во льду на берегу моря Дейвиса.

И всё-таки сле его останется на белой странице Антарктиды.

24 января 1958 г.

Сегодня в девять часов вечера были похороны Чугунова. Мы собрались у метеорологической площадки. Люди в валенках с опущенными на шапки капюшонами шли, сгорбясь, против ветра. Шли так, словно несли на своих плечах весь лёд Антарктиды и всю тяжесть смерти. Гроб, обитый кумачом, поставили на тракторные сани. В почётном карауле стояли товарищи Чугунова – метеорологи и аэрологи. Буря рвала на них ватники и капюшоны.

Выступали Бугаев, Толстик, Трешников. Это мужественные люди, знающие, что такое риск и во имя чего стоит рисковать.

Гроб с телом Чугунова отнесли на морену недалеко от Мирного. Погребли его здесь до той поры, когда лёд на море Дейвиса окрепнет...

Тогда гроб перенесут на один из островков на рейде Мирного, где уже спят двое товарищей покойного, погибших под обломками барьера.

Салют из охотничьих ружей. А буря плакала над Мирным».

На снимке: Н. А. Чугунов.

Фото и текст из книги В. Кириллова «Хранители очага».

- **Новые книги**

ДАР АВТОРСКОГО СЕРДЦА

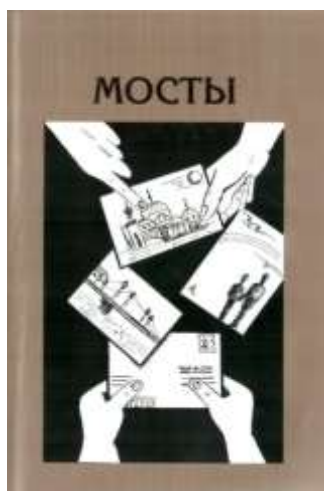
Совсем недавно вышло в свет второе издание книги Валерия Кириллова «Хранители очага». Первое издание, выпущенное в 2008 году, было широко востребовано читателями нашего города, потому что книга рассказывает о людях нашего края.

Второе издание – это не повторение первого. Читатель увидит в книге новые имена. Например, Э. С. Станиславенко – журналиста, писателя, бывшего редактора нашей районной газеты; А. П. Овсянкина, работавшего долгие годы главным врачом районной больницы, В. Б. Осипова – поэта, жившего в селе Торопаца; Е. А. Фёдорова – андреапольского барда; А. Е. Локтева – заместителя командира авиадивизии и других.

Книга снабжена многими фотографиями, которые, наверняка, заинтересуют читателя, потому что напомнят моменты нашего прошлого.

Тексты в этом издании более лаконичны, иногда напоминают собой словарную статью. Видимо, писателю хотелось представить как можно большее число своих земляков.

Книгу можно будет приобрести в книжном магазине и прочесть в нашей библиотеке. А пока на стр. 8 мы публикуем отрывок из неё.

Юрий Смирнов – поэт, родившийся в нашем любинском крае, а сейчас живущий в Торжке, побывал недавно в Андреаполе и оставил в дар библиотеке два сборника.

Первый, «Мосты», – это литературный альманах торжокского литературного объединения «Тверца».

В альманахе включены произведения жителей и уроженцев Торжка и Торжокского района. Это стихи и короткие рассказы.

С творчеством Юрия Смирнова наши читатели уже знакомы, потому что он является нашим постоянным автором.

Некоторые из стихотворений Юрия Смирнова, включённых в этот сборник, вы можете прочесть в этом номере «Светлячка» на стр. 5.

Автор второго сборника, подаренного в нашу библиотеку Юрием Смирновым, «Пегас на липовой аллее» – **Василий Миронов**, территориально отношения к нашему городу не имеет. Живёт в Торжке. Он автор пародий, стихотворений, рассказов, газетных статей и спортивных репортажей. Печатался в газетах и журналах области, альманахах городов Твери и Торжка. Но рассказы его не могут не заинтересовать и нашего читателя, потому что они написаны человеком неравнодушным и талантливым. К тому же, его герои напомнят каждому из нас людей, не раз виденных в жизни, а может быть, и похожих на нас самих.

Один из его рассказов мы представим вам в ближайшем номере «Светлячка».

- **Вернуться в прошлое**
Людмила Леоненкова,
г. Белый

НОСТАЛЬГИЯ

Сдай мне комнату, хозяйка,
Я в ней лето проживу.
До того, как листья стайки,
Закружатся на ветру.
Сдай мне комнату, хозяйка,
И не думай о цене.
Под окном твоим лужайка
Приглянулась сразу мне.
Не хочу я ни на север,
Ни на жаркий пестрый юг.
Снится мятлик мне и клевер,
Да в ромашках белых луг.
Снится речка голубая
И песчаный желтый плес.
Снится улица родная,
Где мальцом я шустрым рос.
Жаль, что дом мой отчий продан,
Мать с отцом в земле сырой,
Только тянет год за годом
Все сильнее меня домой.
Дом твой, окнами на речку,
Так похож на мой родной.
Застекленное крылечко,
И такой же голубой.
Сдай мне комнату, хозяйка,
В русской печке щи свари.
Кто я, чей, меня узнай-ка,
И со мной поговори.
Расскажи, кто жив, кто помер,
Кто уехал, и куда?
Дом мой знаешь – первый номер –
Под березой у пруда?
Кто живет в нем, что за люди?
Надо б мне сходить туда,
Да боюсь, что больно будет.
Вот такая ерунда.
На мои ответь вопросы
Ничего не утая.
Как легко мне здесь и просто,
Будто снова дома я.
Сдай мне комнату, хозяйка...

Владимир Львов,
г. Тверь

ДОМОЙ!

Слава Богу! Еду! Еду
На вечерней, но заре!
Солнце ждёт меня к обеду
На Мелюхиной горе,
Где трещат мои морозы,
Где шумят мои дожди,

Молоко сосут берёзы,
Ко земной припав груди,

Где живут мои соседи,
Бесконечной доброты:
Люди, птицы и медведи,
Рыбы камни и цветы,

Где Ока бежит, петляя
По болотам и холмам
Незабвенного Валдая.
Мам, я дома. Здравствуй, мам!

Василий Рысенков

г. Торжок

Только церковь над морем сирени видна.
Не разрушь этот миг, не спеши, не дыши.
Видишь, мир затопила такая весна,
Что не знаешь: молиться или грешить.

Где теперь эта дверь, что не знала ключа?
Я не верю, что ты и сегодня готов
На минуту влюбляться, бродить по ночам,
Возвращаться в компании блудных котов.

А сирень обнимается с тихим дождём...
Если всё же решился — вставай и держись!
Приласкаем рассвет, и пойдём, и пойдём
Сквозь прекрасную, грозную, грязную жизнь.

Мы объявим войну пустоте, темноте.
Только в сердце — с годами всё меньше тепла.
И перчатку кленовую кружит метель, —
Это значит, что вызов зима приняла.

Никуда не сверну, никого не кляню.
В остывающем сердце есть место для всех.
Мы ведь все пережили такую весну,
Где единая песня — молитва и грех.

Наталья Шабанова,

п. Чистая речка

С шумом гуси летели
В край болотистый свой.
В шишках старые ели
К ним тянулись стрелой.
Проплывали, как льдины,
Как заторы у рек,
Облака-паутины
Уводя на ночлег.
И дома проплывали,
И чернели поля,
Серо-белые дали
Простирали земля.
С шумом гуси летели,
Возвращались домой,
Где крылатые ели
И где воздух родной!

• **Внимание: конкурс!**

«ЭТО БЫЛО СО МНОЙ В АНДРЕАПОЛЕ...»

На сайте Андреапольской библиотеки уже было выложено сообщение об этом конкурсе.

Наш город отпраздновал свой 525 год рождения. Как и всякому имениннику, ему положены подарки. Андреапольская районная библиотека и литературно-краеведческая газета «Светлячок» в качестве такого подарка городу решили объявить конкурс короткого рассказа «Это было со мной в Андреаполе...».

Это вовсе не значит, что в каждом рассказе вы должны возносить похвалу городу, просто действие должно происходить в нём. Сюжеты ваши могут быть лирическими, юмористическими, фантастическими и даже детективными. Главное – интересно рассказать историю, случившуюся в нашем городе и его

окрестностях с вами или наблюдаемую вами со стороны. А, возможно, и придуманную вами, но сохраняющую колорит города и его особенности.

Участником конкурса может стать любой желающий, независимо от возраста, пола и места проживания.

Размер работы не должен превышать 6000 знаков с пробелами (набор на компьютере 12 кеглем) или приблизительно двух страниц машинописного текста.

Ваши рассказы в течение года будут публиковаться в «Светлячке», а к следующему дню рождения города, то есть в июне 2015 года, мы подведём итоги конкурса.

Первые рассказы уже поступили, один из них опубликован в этом номере (стр.7).

Работы приносите или присылайте в районную библиотеку

по адресу: г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1.

Но лучше прислать их в электронном варианте по адресу: andkniga@andrapol.tver.ru

ОРГКОМИТЕТ

• **Непридуманные истории**

ПО ТОНКОМУ ЛЬДУ

Психологи утверждают, что жизнь, если она состоит из любви, смерти и запрета, бывает правильной. Порочной бывает другая жизнь, где грех, возмездие, опять грех. Честно жить проще. В какие только ситуации люди не попадали, когда хотели свернуть с правильного пути. Безобидный, на первый взгляд, флирт приводил к таким тяжелым последствиям.

В одной из организаций водитель Михаил крутил роман в тайне от жены с коллегой по работе Галиной, одинокой женщиной, экономистом. После одной из совместных выпивок им захотелось тут же уединиться. Они сели в самосвал и поехали. Но в дороге машина, управляемая пьяным водителем, наехала на камень. Чтобы ее снять с камня, требовался кран. Михаил пошел в свою организацию за краном. В этом механизме повредились блоки, когда он пытался помочь машине. Утром, на следующий день, когда всем было нужно на работу, обнаружилось, что неисправны самосвал и кран. Когда стали выяснять причину поломки, все тайное стало явным.

Очаровательная блондинка, занимавшая солидный пост в городе, уехала с любовником в неизвестном направлении, но дорогой их машина забуксовала. Пришлось идти в деревню и просить о помощи. Люди зачастую не умеют хранить даже свои тайны, а что уж говорить о чужих. Этот факт стал известен и мужу. Их семейная жизнь разладилась. Глава семьи стал выпивать и вскоре умер.

Однажды любовники отравились газом, когда заснули в машине. Жена, не в силах простить измену, наотрез отказалась хоронить мужа, даже не пришла попрощаться, а вот муж его любовницы достойно похоронил свою супругу, горько оплакивая потерю.

В поселок на берегу живописного озера приехала погостить Надежда к своей сестре. Её муж остался дома, а Надежда стала встречаться с парнем, у которого раньше никогда не было женщин. Неискушенный в любовных связях Олег очень привязался к Надежде. Однажды они, захватив с собой спиртное, пошли на берег озера. Это была глубокая осень. Лед на озере был тонким. Однако, не умея трезво оценить ситуацию, любовники побежали по тонкому льду и провалились. Люди на другом берегу слышали крики, но они никак не подумали, что это крики о помощи. Посчитали, что резвятся ребяташки.

Местное население очень жалело Олега. Говорили, что он был добрым, жалостливым парнем, единственным сыном у матери, ее опорой. Надежду они не жалели. Говорили, что она совратила парня и погубила.

Галина Ермолаева

Ольга Пархомец,

г. Андреаполь

С прозой Ольги читатели «Светлячка» уже знакомы, мы публиковали несколько её сказок и рассказ. А вот стихотворный текст она прислала впервые, сопроводив его такой картинкой. На вопрос – не сама ли она автор рисунка, Ольга ответила: «Нет, этот рисунок муж

нашел в интернете и меня зацепило очень. Оказалось созвучно моему внутреннему образу того, "как надо быть замужем". Редко кому любовь дается сразу и на всю жизнь. И только если пройдешь все испытания - будет счастливая, крепкая семья».

БАЛЛАДА О ВОЛКЕ ОБОРОТНЕ

Брошу я клубочек и пойду далеко,
Ты катись, клубочек, низко ли, высоко,
Не ищи, клубочек, легкого пути,
Помоги мне милого моего найти.

Бабка ворожила, деве говорила:
«Ох, не в добрый час ты, девка, родилась.
Видно тебя ведьма в люльке подменила,
На беду ты, глупая, ворожить пришла!»

Я пойду, клубочек, за своей судьбой,
Ты веди, клубочек, хоть в воду, хоть в огонь,
Только не сбивайся с верного пути,
Помоги мне милого моего найти.

Ворожила бабка, руки воздевала:
«Ох, ты видно, девка, бога потеряла,
Горем да туманами путь твой оплетен,
Суженый твой волком в этот мир рожден».

Ты веди, клубочек, к волку моему,
Я сквозь все преграды до него дойду:
Через реки бурные, сквозь леса дремучие
Да по бездорожью по отвесным кручам.

Бабка ворожила, дула на водицу:
«Вот, возьми клубочек, девка, пригодится...».

Ну а где-то в стране ветров
Древний замок стоит в руинах,
И обходят его стороной,
Поминая нечистую силу.

Не ходи туда, путник случайный,
Там проклятьем ужасным томимый
Страшный оборотень ночами
Воет так, что кровь стынет в жилах.

А в преданьях тех мест говорится,
Что носил замок славное имя,
Неприступные стены вздымались,
Ничего не боялась твердыня.

На воротах стояла стража,
За воротами - жизнь кипела.
Пуще всех здесь любили князя,
Много он для округи сделал.

Под счастливой звездой рожденный
И душой был и ликом ясен,
Его мудрость, отвага и доблесть
Менестрелями воспевались.

Но ничто не бывает вечным,
И на князя нашлась проруха:
В зябкий поздний осенний вечер
Приплелась к нему в замок старуха.

Что случилось потом – неизвестно,
Старики говорить страшились.
Не возьмешь колдовство отвагой,
Долго князь и старуха бились.

То колдунья в обличье гнусном
Привела с собой в город беду,
Опустели окрестные земли
Только замок стоит на ветру.

Не ходи, лишь беду накличешь!
Там проклятьем ужасным томимый
Князь в зверином своем обличье
Воет так, что кровь стынет в жилах.

Много я нехоженных тропок исходила,
Сапоги железные в клочья износила.
И пришла я в древний замок на ветру,
Жди меня, мой суженый, я к тебе иду!

Лик чернее ночи, яростен оскал.
Ты прости, любимый, что так долго ждал.
Пусть для всей округи ты лишь лютый зверь,
Я своей любовью помогу тебе.

Мне отныне ярость зверя не страшна,
Я в твоих объятьях кротка и нежна.
Ты прости, любимый, что так долго шла,
Я тебе любовь свою в сердце принесла.

Мне ни бог, ни люди больше не указ,
Каждый вздох ценю я, каждый вместе час.
Пусть для всего мира ты лишь лютый зверь,
В этом мире вместе будем мы теперь.

Владимир Юринов**На картах не значится***Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта*

Но, конечно, самым страшным моментом в жизни жителей Орловки были случаи, когда свет пропадал не в отдельном подъезде или доме, а когда отключался весь городок. В таких случаях нельзя было терять ни минуты. Опытные орловцы сразу бросались в ванные комнаты и на кухни и, открыв краны, начинали лихорадочно заполнять все имеющиеся в доме ёмкости. Они знали: раз обесточился городок, значит, обесточился и насос, подающий воду в водонапорную башню, а это, в свою очередь, значит, что воды в городке осталось ровно столько, сколько вмещает в себя расходный бак, установленный на этой башне. Тут уж кто успел – тот и съел. Через пять-семь минут вода в кранах иссякала.

Но и это ещё было полбеды. С отключением электричества в котельной обесточивались насосы, нагнетающие воду в систему отопления городка, и городок начинал постепенно замерзать. В зависимости от наружной температуры, часов через десять-двадцать начинали лопаться батареи и трубы по всему городку. Самое страшное, если процесс этот доходил до магистральных труб.

Именно так и случилось в памятном феврале 85-го года, когда городок из-за сгоревшего трансформатора обесточился на двое суток. Морозы в ту зиму трещали лютые, и когда через сорок восемь часов, заменив трансформатор, в городок дали свет, выяснилось, что перемерзла труба магистральной теплотрассы и два жилых дома, дальше всех отстоящие от котельной, – ДОС № 2 и ДОС № 3 – остались без тепла. Два дома – сто сорок квартир – без малого полтысячи человек. Женщины, дети. Дома надо было срочно спасать, а это значит, что надо было срочно менять трубы...

Приходилось ли уважаемому читателю копать землю, скованную многомесячным тридцатиградусным морозом? Причём копать её вручную – без отбойных молотков и тяжёлой строительной техники? И не дай бог!

Процесс этот в орловских условиях выглядел так. Участок земли, подлежащий копке, очищали от снега. Затем на него насыпали примерно двадцатисантиметровый слой угля. Уголь поджигали. Уголь при сгорании даёт температуру большую, чем дрова, но горит гораздо медленнее. Двадцатисантиметровый слой прогорал примерно за шесть-восемь часов и прогревал землю в глубину тоже сантиметров на двадцать. И вот тут уже терять время было никак нельзя, была дорога каждая минута! Шлак быстро откидывали в сторону и начинали интенсивно копать – пока землю опять не прихватило морозом. Сняв оттаявший слой земли, получившуюся траншею вновь засыпали углём и опять поджигали. Процесс повторялся неоднократно до тех пор, пока землекопы не достигали мягкой, не промерзшей земли, то есть глубины порядка полутора-двух метров.

Дым от горящего угля в условиях обычного орловского безветрия поднимался вертикально вверх и, упёршись на высоте десять-пятнадцать метров в границу температурной инверсии, растекался в стороны. Остыв, клубы дыма опускались обратно на землю и белым удушливым смогом заволакивали весь городок. Дышать в городке становилось нечем. А дышать надо было! Поскольку надо было копать!

Четверо суток в том памятном феврале жители городка бились за спасение двух жилых домов. Четверо суток в непроглядном дыму, от которого першило в горле и лёгкие раздирали сухой удушливый кашель, четверо суток в этом дымном морозном аду бродили укутанные до глаз фигуры с ломом и лопатами и окрестности оглашал стук и лязг шанцевого инструмента. Пока жгли вдоль теплотрассы уголь и спешно сформированные бригады землекопов посменно вгрызались в мерзлоту, жители замерзающих домов боролись за свои батареи отопления. Все калориферы, все «козлы» были придвинуты вплотную к радиаторам. Батареи грели паяльными лампами и спиртов-

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

ками, их укутывали одеялами и меховыми куртками. В результате потери оказались минимальными – не удалось отстоять лишь несколько стояков.

Свет в городке отключался достаточно часто, иногда по несколько раз за неделю. И хотя отключения эти были по большей части недолгими, жизнь они нам портили основательно.

Любопытный факт: через наш жилой городок, прямо по центральной улице, проходила линия электропередач на деревню Сосновка. Линия хоть и пролегла непосредственно через наш гарнизон, но с электрохозяйством городка не была связана никоим образом. Совершенно естественно, что идея получения тока от независимого источника, как говорится, витала в воздухе. И однажды она была реализована.

В тот вечер мы возвратились в городок с ночных полётов. «Кунг» затормозил возле проходной, лётчики посыпались с задней двери, и тотчас же вздох разочарования пронёсся над головами: света в городке не было – дома глядели на нас мёртвыми чёрными окнами. В темноте послышалась ругань и раздражённые голоса – свет на этой неделе отключался уже в четвёртый или в пятый раз. В дурном расположении духа мы двинулись по центральной улице и вдруг кто-то воскликнул: «Смотрите!» Мы подняли головы. Два окна на втором этаже тринадцатого дома были ярко освещены. Более того, оттуда явно доносилась весёлая музыка.

– Что за хрень?! – вслух удивился шедший с нами командир полка. – Это чья квартира?! Быстро выяснилось, что в весёлой квартире проживает некий капитан Ц. – офицер отдельного батальона связи. Подойдя ближе, мы увидели, что от одного из столбов сосновской линии прямо в залитое светом окно уходит толстый чёрный кабель.

– Орёл! – прищурив глаз, оценил усилия предприимчивого капитана командир, а потом, подумав, приказал: – Комбата сюда!..

Прибывший вскоре командир батальона связи удивился увиденному не меньше нас. Он почесал под шапкой затылок, сплюнул на снег и решительно двинулся в сторону подъезда, в котором проживал «хитрожёлтый» капитан.

На следующее утро, когда мы шли в столовую на завтрак, кабеля, идущего от столба к окну, уже не было.

Говорят, что капитан Ц. приходил той же ночью к командиру полка и предлагал провести в его квартиру точно такой же кабель. Но командир отказался. «Не надо отделять себя от коллектива, – обосновал свой отказ комполка и закончил разговор старой армейской истиной: – Хоть безобразно, зато единообразно!..»

Разумеется, плачевное состояние электрооборудования городка не могло не приводить время от времени к различного вида электротравмам. Автор и сам бывал не раз и не два бит током. Но это были столь незначительные происшествия, что они не стоят какого-либо отдельного упоминания. Правда, была история с погибшим в трансформаторной будке лейтенантом. Но история эта случилась столь давно, что к моменту приезда автора в Орловку она уже приняла вид овечьей седыми ветрами времени легенды.

И всё же об одной истории я хочу здесь рассказать. Точнее, это были две истории, напрямую связанные с электричеством, но произошли они чуть ли не в один день и запомнились орловским лётчикам в основном легендарной фразой, сказанной по этому поводу не менее легендарным командиром орловского полка полковником Бабичем. И фраза эта была...

О ТРАВМАХ, НЕСОВМЕСТИМЫХ С РАЗУМОМ

Зима 84-85 началась в орловском гарнизоне с того, что из-за аварии в аэродромной котельной оказались полностью замороженными все служебные здания, расположенные на аэродроме: оба штаба – полковой и батальона обеспечения, учебно-лётный отдел (УЛО) и тренажёрный комплекс.

Ремонтные работы начали не сразу, а лишь после новогодних праздников – когда привезли новые трубы и радиаторы. Магистральную теплотрассу и отопление в зданиях восстанавливали поочерёдно, двигаясь от котельной. Здание УЛО, в котором находились эскадрильские классы, было в этом ряду третьим по счёту. Поэтому дело до него дошло только в феврале. А до этого мы без малого три месяца занимались в классе, больше напоминающем снежную пещеру: на стенах в

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

свете электрических ламп искрилась изморозь; окна заросли сантиметровым слоем льда и практически не пропускали дневного света; на потолке от нашего дыхания вырос густой мохнатый, толщиной с ладонь, ковёр из инея. Изредка куски этого ковра отваливались от потолка и с шумом рушились вниз.

Несмотря на постоянно работающие электрообогреватели, температура в классах оставалась минусовой. Мы сидели на занятиях в полной зимней экипировке: в унтах, «ползунах», меховых куртках, в шапках, а кое-кто и в перчатках. Нам, в общем-то, было тепло, а вот ручки при такой температуре писать отказывались. Приходилось идти на различные ухищрения: те, кто писал шариковыми ручками, запасали их по несколько штук – одной писали, а остальные держали в тепле, во внутреннем кармане; те же, кто пользовался чернильными ручками, добавляли в чернила перед заправкой несколько капель спирта.

История, которую я хочу здесь рассказать, началась в понедельник.

Это был день предварительной подготовки. Мы – лётчики третьей эскадрильи – сидели в классе и усиленно готовились к завтрашним полётам. В классе было холодно, из ртов при разговорах шёл пар – безостановочно работающие «козлы» не справлялись с тридцатиградусным законным морозом.

«Козлов» в нашем классе было два – по одному на каждый проход между столами. В соседнем проходе стоял классический «козёл»: асбестоцементная труба, водружённая на деревянные козлы. А вот в нашем проходе агрегат был похитрее. Какое-то умельцы приспособили к обогреву стандартный блок от большой электроплиты, из тех, что используют в кухнях общепитовских столовых. Таким образом, «козёл» этот представлял собой привинченный к обыкновенному деревянному табурету стальной квадрат со стороной примерно сорок сантиметров с вмонтированной вовнутрь электроспиралью. «Электроплита» эта стояла как раз рядом со столом, за которым сидел мой кэз – командир звена – капитан Сорокин.

(продолжение следует).

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

«ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Напоминаем, что условия конкурса опубликованы в «Светлячке» №9(30) за сентябрь 2013 года. Прочтите нашу газету вы можете, набрав в поисковой строке: литературно-краеведческая газета «Светлячок».

Маргарита Петрова,
Андреаполь

ОН:

Уйми, любимая испуг,
Не разнимай ты рук кольцо.
Услышал я от журналюг,
Что, если сохраним лицо,
На выставку тогда пошлют
В Москву, а может, и в Париж,
Где иностранный стильный люд,
Где башня выше всяких крыш.

ОНА:

Ах, дорогой, пусть суета,
Пусть трудно, буду я терпеть,
И сбудется моя мечта:
Париж увидеть – умереть!

Пётр Бобунов,

Нелидово

Росли бы себе, да и горя не знали
в забытой гряде огорода,
когда бы бомжи их не откопали
и не продали в газету для фото.

«Любовь прекрасная морковей, –
наперебой кричит печать, –
Им ничего не надо кроме,
что не должно не восхищать!!».

Но с той поры, как эту фотку
незрячий разве что не знал,
ОН шастать стал по корнеплодам
И корни часто распускал.

ОНА иссохла и зачахла,
Шепча: «Как пошло, да и глупо»,–
А от него редиской пахло,
В итоге – ни душе, ни супу.

Работы присылать в электронном варианте по
адресу: andkniga@andreapol.tver.ru
или присылайте рукописи по адресу:

г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1;
или приносите в районную библиотеку.

• Байки на скамейке

ДЛЯ КОГО ОВЁС

– Москвичи – народ ушлый, образованный, законы и порядки знают. Это нас, провинциалов доверчивых, обмануть просто. А их на мякине не проведёшь.

– Это они в своей городской жизни ушлые, а на мякине как раз и попадаются. К нам на днях гости из столицы приезжали. Образованная пара, сказать ничего не могу. Мы их на дачу свою пригласили. Вот где умора началась. Там один участок для улучшения плодородия почвы мы овсом засеяли. Площадь по размерам порядочная. Овёс подрос, уже колосился. Мужчина москвич немного удивился: «Зачем вам овёс, для лошадей посеяли?».

– Ну, даёт! Какие лошади? Он же вашу квартиру видел, да и дачу тоже. Куда их там поставить? Да и зачем двум пожилым людям лошади. Что ты ответила ему?

– А что тут ответишь. От смеха удержаться не могла. Сказала, что сами едим. А потом ржём, ржём...

СТРАШНЫЙ СЛУЧАЙ

Утром Тамара отвезла внука в детсад, а на обратном пути решила завернуть в магазин. В торговом зале сняла очки, чтобы протереть запотевшие от разницы температур стёкла. И тут с мягким стуком на пол упал... её глаз...

Глаза были её страхом с детства: постоянное лечение, операции. Наверное поэтому, её даже не удивило, что всё случилось так неожиданно, без боли и крови, от простого снятия очков и лёгкого наклона головы.

– Глаз упал, – вскрикнула она, холодея от ужаса, и, забыв надеть очки, стала шарить руками по полу.

Напуганные её отчаянным криком покупатели поспешно кинулись ей помогать, обалдев от нестандартной ситуации. Никому из них ещё не приходилось искать на полу живой человеческий глаз. Они вряд ли даже представляли, как он мог выглядеть.

– Не это? – протянул ей какую-то прозрачную круглую детальку растерянный мужчина.

Деталь, хоть и мало походила на глаз, показалась Тамаре знакомой. Она всматривалась лишь несколько секунд, потом взяла протянутую мужчиной вещицу и, поблагодарив окруживших её людей, бросилась к выходу и вскочила в подошедший как нельзя вовремя автобус.

– Ёлки-палки, – дивилась она сама себе, вертя в руках прозрачный голубоватый кругляшок от какой-то игрушки внука, и как я могла такое вообразить?

Сквозь смех и слёзы вспоминала, как внук, балуясь утром, прикладывал эту детальку ей ко лбу. Видимо, она намертво прилипла, как когда-то прилипала медная советская монета, которую, бывало, прикладывала меж бровей, чтобы снять головную боль.

– И я с этим кругляшом столько перед людьми ходила и ездила! Нет, как мне про глаз могло в голову такое прийти? Хотя, что ещё может упасть с этого места, когда очки в руках и стёкла в них на месте. Да-а-а...

Она набрала мобильный номер подруги:

– Свободна? Приходи, я тебе страшный случай расскажу. Посмеёмся.

М. Петрова